СКАЗ О НАС

Универсальный киносценарий в прилагательных

Дом кошкин. Князь Мышкин. Утро раннее. Сон сурковый. Будильник чирикающий. Глазки рачьи. Шаг черепаший. Кашель лающий. Санузел совмещенный. Бачок урчащий. Зеркало кривое. Подбородок двойной. Одеколон тройной. Воспоминания смутные: "Застолье дружеское? Поведение свинское?" Вопрос риторический. Ответ однозначный. Замечание уместное. Холодильник пустой. Аппетит волчий. Завтрак легкий. Погода мерзкая. Холод собачий. Дождь проливной. Зонтик рыбкин. Троллейбус переполненный. Молвь людская. Топ конский. Уши ослиные. Глаз орлиный (орел двуглавый). Рык львиный. Зубы лошадиные. Клык моржовый. Слово меткое — дорога проторенная. Дом казенный. Подъезд парадный. Размышления праздные. Лестница мраморная. Вахтер сонный. Начальник тупой. Бухгалтер опытный. Секретарша многоопытная. Зарплата символическая. Работа любимая. Труд мартышкин. Беготня мышья. Перерыв обеденный. Переход подземный. Мечта заветная. Такси муниципальное. Уголок уютный. Уют валютный. Телка крутая. Бабочка ночная. Веер китайский. Ковер персидский (б\у). Коньяк французский (фальсифицированный?). Водка столичная. Килька томатная (отечественная!). Клюква развесистая. Музыка вечная. Озеро лебединое. Трели соловьиные. Язык птичий. Вальс собачий. Свадьба собачья. Режим постельный. Одеяло верблюжье. Прыжок затяжной. Кровать скрипучая. Страсть могучая, кипучая, никем непобедимая. Счастье большое человеческое. Прощанье долгое. Дети кукушкины. Сыны сукины. Дочь капитанская. Слезы крокодильи. Друг верный. Верность лебединая. Услуга медвежья. Мерзавец редкий. Петух гамбургский. Измена коварная. Рога оленьи. Следы человечьи. Шкура овечья. Взгляд приветный. Удар ответный. Скандал кассетный. Печать офсетная.

Пробуждение томительное. Время послеобеденное. Разочарование жестокое. (Шутка издевательская. Каламбур непристойный. Невинность оскорбленная.) Работа, любимая... Труд мартышкин. Беготня мышья. Бухгалтер опытный. Зарплата символическая. Начальник тупой. Вахтер сонный. Лестница мраморная. Троллейбус переполненный. Дорога проторенная. Одеколон тройной. Утро раннее...

Олег ГУБАРЬ.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

ТАЙНЫЙ ХОД НЕ СКАЖУ, КУДА

Мне безразлично, что вы думаете по поводу Сережи Шерстюка. Мне не все равно, что вы о нем вспомните.

Я не была ему другом. Мы встречались трижды. Каждая встреча была единственной. Во время последней Сережа подарил фотографию — за его спиной вырастал Одесский оперный театр. Прекрасный и разрушающийся. Вскидывалась пантера, и тень от лапы ее падала на Сережино плечо... Пантера замерла, тень продлилась и достигла Нескучного сада, где я брожу по тропинке, на которой стоял на коленях Сережа и кормил белку. Белка все еще кормится с ладошек бродящих по дорожкам, а Сережи больше нет.

Он сказал тогда: запоминай — сверху рыжая, подпушка серая. Никогда не крась волосы — станешь похожа на белку. Я не хочу, чтобы ты была похожа. Я не люблю вертлявых. Ты втируша, медленная, но внезапная. Это всегда настраивает против, потому что последний удар ты наносишь безошибочно. И это предугадывается и... пугает.

На фотографии Сережа написал в том числе и "За свободу". Свобода начиналась справа от памятника Пушкину на Приморском бульваре. Это опять Одесса. Он говорил: "Это вопрос достоинства — я не хочу быть понятым. Я предпочитаю память, а не понимание. Меня Одесса знает. И в Одессе есть кому — не забыть меня. Я сюда приезжал не к тебе.

Но ты пересекла все мои дороги трижды, и это неспроста. Говори, чего тебе надо, что хочешь узнать, увидеть, понять. Хочешь, подарю картину? Хочешь, тебя нарисую? Почему ты ничего не хочешь, женщины всегда хотят. Хотя — разве ты женщина? В тебе помещается город, и есть еще место — для чего ты так жадно заглатываешь жизнь? Я не знаю, как с тобой разговаривать. Не загоняй меня в тупик.

Здесь, у вас, женщины ничего не хотят, меня не хотят. Зачем ты смотришь, как я топчусь и вязну сам у себя на зубах? Я ее видеть больше не могу. Не хочу. Не буду.

Возьмешь билет — на, держи, завтра уедем в Киев. От этой женщины уедем. Она меня с ума сводит. Я из-за нее много чего сделал. Но и не сделаю никогда не меньше..."

Когда шли по Андреевскому спуску, Сережа сказал, что рано или поздно восстановят Михайловский монастырь. И тогда мы сумеем заказать молебен за заблудшие души.

— У меня много заблудших душ за пазухой, — странно говорил Сережа. — И только ты — душа свободная, без принуждения хотящая радоваться и быть счастливой. Я таких девчонок не видел отродясь. Наверное, ты мутантка. Они тебя никогда не полюбят.

И я тебя не полюблю — разве можно любить того, кто не имеет имени? Ольга — не имя. Свя-та-я. Разве можно так называть женщину? Хотя — какая ты женщина? Ты встреча, которая никогда не повторяется. Она всегда заново. Всегда сначала. И это ужасно, что смерть придет и мы не узнаем, что уже все, никогда не будет опять и снова...

Это, может быть, и хорошо, потому что нет ее, мы есть, а смерти нет, и ты не бойся. Когда я умру, ты узнаешь и не удивишься, потому что я уйду первым.

Ты — тайна, ты — та дверь, в которую входят один раз и — никогда не выходят. И всякий раз надо входить заново.

Где ты бываешь, когда меня нет возле? Кто притрагивается к ручке на твоей двери, и что ты делаешь с ним, приоткрывающим, просачивающимся в твои комнаты, дворы, переходы, подвалы, кто и зачем свешивается с твоих балконов, и зачем доходят до чердака?.. Куда им — выше... Чем они заканчивают, если никогда не выходят через ту дверь, в которую ты позволила войти? Почему ты приехала в Москву и ждешь меня на Страстном, я не мог тебя не почувствовать. Ну вот, я пришел. Куда теперь?

— Какого черта, — сказал Сережа милиционеру, — какого черта ты на нее смотришь? Пусть плавает, где хочет. А почему не в фонтане — такая жара...

Ну и что, что голая, она не голая, она обнаженная. И это прекрасно. И она хороша. Ольга, покажись этому мудаку. Да я не выражаюсь, я — выражаю. Идею. Женщина купается в фонтане. Мужчины смотрят и запоминают. Это их мужиками и делает. А ты что, денег за это хочешь? На, столько — достаточно?

Ольга, плыви к другому краю, я подойду.

И он подошел с платьем и букетом ромашек.

— Откуда, — спрашиваю, — ромашки?

...Долго шли по ботаническому саду. Отдыхали в кустах:

— О, я — подзаборная, а ты — толстый и довольный!

— Я — толстый? Ты пощупай — где жир? Это одесское восприятие, это у вас все толстые, ты посмотри, как я узок, — и Сережа погладил джинсы, будто крошки стряхнул. — Я голубой джинсовый парниша, у меня узлы на пальцах — как у тебя на платочке. О чем забыть боишься, зачем узелки, — и он развязал два...

В первый узелок был завязан перстенек, он купил его для меня на "Привозе", надел на палец, покрутил и сказал:

— Ничего, пока великоват, потом впору будет.

Во втором узелке лежала сережка. Оставшаяся. Первую мы с ним так и не нашли в траве.

...Тогда одуряюще пахла сирень, скатывавшаяся волнами в Днепр со склонов Киевского ботанического... Мы всегда оказывались в ботаническом — и в Одессе, и в Киеве, и в Москве... Все ботанические сады были нашими.

Еще были Нескучный сад в Москве и Городской сад, мимо него бежала Дерибасовская, на ней Сережа учил меня танцевать вальс бостон:

— И раз-два-три, и раз-два-три...

Потом сказал, что не понимает разницы между вальсом и вальсом бостоном.

Потом еще было... твист на ротонде в Горсаду, и шейковали в кафе "Молодежное", и Дерибасовская нас не отпускала, а потом обнаружились на Ланжероне — купались прямо в чем были: он заджинсованный, а я в платье выходном — и на нас, как на сумасшедших, смотрели.

Вечером грелись в "Оксамите Украины" сухим красным, и Сережа говорил, что глобализм победит не только в искусстве, что грядет кровь и великое молчание. И что:

— Твои мужья никогда не найдут общего языка, потому что у вас общие дети и жизнь общая, зачем еще что-то, общий язык нужен тем, кому есть что делить, а вам делить нечего. Не тебя же и детей. Ты научись спокойствию, остальное у тебя есть. А то, что будет, от тебя уже не зависит, будущее ты себе уже обеспечила признанием.

— Каким? — спросила оторопело.

— Дура, — мрачно сказал Шерстюк. — Это дорого стоит: "А я дыханье. И любовь. И вечный праздник".

— Сколько? — так же мрачно спросила.

Он выгреб из кармана деньги, высыпал мне в подол и, покрутив у виска пальцем, положил туда же свой паспорт.

Он был единственным мужчиной на свете, поднявшим меня на руках по 192 ступенькам Потемкинской лестницы, не передохнув, и присел на ступеньки памятника Дюку, так и не выпустив меня из рук. Ему аплодировали.

И я не поцеловала его.

Еще я могу сказать, что кольцо и фотография лежат где ни попадя, потому что я люблю смотреть на них и трогать. Но я никогда ни с кем не говорила о Сереже. Я была его "Тайным ходом не скажу, куда", и то, что я написала, это подарок Сереже на его посмертное пятидесятилетие.

21 декабря 2001 г. Москва.

ЖИВУ СПОКОЙНО

А началось знакомство с Сережей смешно... Я возвращалась со встречи с Юнной Мориц. Она отредактировала мою рукопись, и вот я купила бутылку сухого красного, сушеные бананы и на Страстном бульваре сидела на скамеечке с Володей Салимоном. Мы обмывали мою рукопись, потому что отредактировано было совсем ничего, но очень "по делу" — просто вычеркнуты некоторые строчки, просто зачеркнуты некоторые стихи. Ножницами что-то вырезано. И — несколько новых строчек предложено взамен... Это был здоровский результат. Я думаю, мне очень повезло. И я тогда гордилась этим. Собственно, я и сейчас так отношусь — с гордостью и благодарностью, меня многому Юнна Петровна научила.

Когда я решала, к кому из теток — Поэтов — идти, написала письмо Ахмадулиной, но не отправила его и позвонила Мориц. Решила, что по моему характеру — идти надо к Юнне. Да и по ее характеру, как позже выяснилось. Ну, я тоже была тетка, мне уже 36 случилось...

Она спросила не без иронии, узнав, сколько мне лет:

— И много написали?

— 16 килограммов, — ответила.

Юнна Петровна велела взять 250 граммов и зайти к семи вечера. Но я потеряла адрес и — Лидия Графова мне помогла, дала телефон — опоздала на полтора часа. Была в ужасе — жутко не люблю опаздывать. Да еще — к МОРИЦ!

Ну, это другая история. Так вот, сидим мы с Салимоном, а у него еще свеженькая писательская ксива, он мне ее показывает, мы и ее обмываем. И тут прямо перед нами тормозит ментовский бобик. Времена сухого закона... Салимона — в машину. Мне тоже надо в машину, но, вроде бы, я им не очень нужна, милиционерам. И я на это обиделась. Даже ментам не нужна. В этой их Москве.

Подхожу я к водителю, засовываю голову в окошко и на ухо ему кой-чего говорю. Он хмыкает и... отпускает Володю. А мне в ответ:

— Ты уведи его, ну, вот там есть подворотня, а во дворе — столик для доминошников, так вы там и договорите, с глаз подальше!

И — уезжают.

— Ты что ему сказала?

— А, — отвечаю, — потом как-нибудь расскажу.

Смотрю, а полбутылки еще есть, только пролилось чуть-чуть на правки ЮнныМорицевские, и стихи теперь "под градусом", и подпись ее размашистая — пьяная!

— Ладно, — говорит Салимон, — здесь недалеко Шерстюка мастерская, зайдем — расскажешь.

Заходим. Там, по-моему, два окна было. Не помню. И огромные картины — одна свежая, в работе, что-то коричнево-синее. А на мне платьице, специально для "представительства" в одесской комиссионке купленное, чудное такое. Почти новенькое. Ну, мы знакомимся, ля-ля-тополя, Салимон рассказывает, как я его из "бобика" ментовского вытащила, и они оба:

— Что ты ему сказала?!

А мне влом...

И тут Сергей меня в моем платьице всей мною — вписал в картину. Со спины. А потом развернул и — мордой лица — туда же.

Получилось что-то невообразимое — и на картине, и — вся я — сплошная такая "глобалистка" (он тогда глобалистом себя называл и все под таким углом рассматривал. Я от него о глобализме и узнала. А тогда об этом ничего почти и не говорили, ну, он о глобализме в искусстве, а не о политике...). И получилось, словно меня из его шедевра вырезали.

Я таки уперлась, разозлилась, сказала — нечего меня теперь вытирать (это он меня тряпкой, вонючим растворителем пытался!), я теперь — произведение искусства, так и буду ходить по Москве.

Так весь день и проходила — коричнево-голубой. А ночевала я в его мастерской, он меня оставил и ушел.

Утром просыпаюсь, а он уже хлопочет, кофе готовит. На стуле лежит новое платье. Роскошное. И — билет в Одессу. На самолет. А моего "шедеврального" платья нет.

— Гад, — говорю вежливо и холодно, — мое платье где? Верни!

Отвечает:

— Увы, я им тебя с картины смыл. Ты мне там не понравилась. Примерь лучше новое, и шевелись, кофеечек готов!

Платье оказалось тютелька в тютельку.

— Это как же у тебя получилось?

А Сережа обиженно:

— Ты что, не понимаешь? У меня же глазомер! Я — профессионал!

Пьем кофе...

— Зачем мне улетать, — возмущаюсь, — я еще не все сделала в Москве.

— Вали, — говорит, — и поскорей. А то вообще никто ничего не сделает. Ни ты, ни я. И — чтобы я тебя вообще больше никогда, поняла?

— А почему?

— А потому, — говорит, — что мне Одессы — выше крыши. Так что лети, Белка, и живи спокойно.

(Сережа меня или Ольгой, или Белкой называл.) И проводил он меня во Внуково, и рассказал мне три бочки арестантов — за жизнь свою, мою и — нашу. Какой она теперь станет. И ведь правду сказал — жизнь стала такой. Нашей. Но об этом я уже раньше написала. Осталась еще одна встреча.

Когда-нибудь... и ее расскажу, там история спасения Салимона от ментов отыграла на всю катушку. Только... раскатушилась катушка очень скоро. Страшно раскатушилась.

20 января 2003 г.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса»
(тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство
N 508. Тираж 1000. Заказ N_____ .
газета отпечатана в типографии «СІЧ».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 724-01-35.
www.odessitclub.org.